

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

МОЙ ЭРМИТАЖ

МУЗЕЙНАЯ НОЧЬ

Попробуй, приятель, хандру превозмочь.
Не стоит печалиться, полно.
Полна чудесами музейная ночь,
Что вновь начинается в полночь.
Когда наступает ночная пора,
Выходят портреты из рамы,
И бродят по залам всю ночь до утра —
Богини, цари, генералы.
Герои легенд, и герои былин,
Невольники вечной отваги.
Над скользким паркетом шуршит кринолин
И звякают тонкие шпаги.
А в рамах шумят, пробуждаясь, леса,
Закаты ожившие алы,
И лунная пляшет в воде полоса,
И волны дробятся о скалы.
И ходит по залам античный мудрец,
Грядущих философов прадед,
И гулом наполнился Зимний дворец,
Как в дни императорских свадеб.
И только наутро, когда темнота
Редее в минуты рассвета,
Все снова свои занимают места —
Картины, скульптуры, портреты.
Опять затихают моря и леса,
Смолкают герои сурово,
Чтоб на год свои потерять голоса
И стать неподвижными снова.

Александр Моисеевич Городницкий родился в 1933 году в Ленинграде. Советский и российский ученый-геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, кавалер ордена Дружбы. Широко известен как поэт, бард, считается одним из основоположников авторской песни. Лауреат Государственной литературной премии им. Булата Окуджавы. Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН.

РЫЦАРСКИЕ ЗАЛЫ ЭРМИТАЖА

Г. В. Вилинбахову

Рыцарские залы Эрмитажа.
Витражей готических коллажи.
Питерский послевоенный год.
Школа. Коммунальная квартира.
Быта неизбывная рутина.
Стивенсон, Шекспир, и Вальтер Скотт.

Эрмитажа рыцарские залы.
Шлема прихотливое забрало.
Черный цвет, и серебристый цвет.
Панцири, мечи и арбалеты.
Бардов куртуазные куплеты,
По себе оставившие след.

Эрмитажа рыцарские залы.
С ними крепко жизнь меня связала.
Не с того ли я из года в год
Все сюда стремился втихомолку,
Чтобы отдохнуть, хоть ненадолго,
От постылых будничных забот.

Рыцарские залы Эрмитажа.
Детства невозвратные миражи.
Я сюда, уже на склоне лет,
Прихожу, чтобы смотреть устало
На пустую бронзовую тару
Рыцарей, которых больше нет.

ФРАНС СНЕЙДЕРС

Из памяти рутинной
Ушла былая прыть.
Но Снейдерса картины
Вовек мне не забыть.
В года сороковые,
Что превратились в миф,
Я видел их впервые,
Блокаду пережив.
Навек запомнил краски,
Сулившие обед,
Заморыш ленинградский
Четырнадцать лет.
Всю жизнь теперь, как видно,
Стоят передо мной,

Богатства лавки рыбной,
Апофеоз мясной.
В года, теперь неблизкие,
Забытые давно,
В столовой у епископа
Висело полотно.
Там в величавом здании,
Стоящем до сих пор,
Вершили пир компании
Сиятельных обжор.
И позже, в годы лучшие,
Когда накатит блажь
И по любому случаю
Попавший в Эрмитаж,
В предошущенье радости
Идя по этажу,
Я на картины Снейдерса
Восторженно гляжу —
И трезвый, и при градусе,
И присно, и вовек.
Смотри на них и радуйся,
Голодный человек.

АНТОНИС ВАН ДЕЙК

Стою перед портретами Ван Дейка.
На них то высочайшая семейка,
То Магдалины кающейся вид.
Святые, капелланы и вельможи,
Портреты друг на друга не похожи,
Но каждый стать шедевром норовит.

В Антверпене начавший первый опыт,
Он обошел все города Европы
И в таинства профессии проник,
Талантливый, прилежный и толковый,
Примерный ученик фламандской школы
И Рубенса любимый ученик.

Поверивший в себя бесповоротно,
Переносил он лица на полотна,
И в Лондоне, где мало синевы,
Художником придворным первым стал он,
И в рыцари произведен был Карлом,
Лишившимся позднее головы.

Стою перед потретами Ван Дейка.
Угробила его судьба-злодейка,

Ушедшего из жизни в сорок два.
Его навек с бессмертием связала
Картинами наполненная зала,
И слава его звонкая жива.

Уставший от сегодняшнего фейка,
Стою перед картинами Ван Дейка,
И возникает странная идея
В музейном зале, что почти что пуст.
Об этом размышляю каждый день я:
Восстановить распавшиеся звенья
И заменить эпохой Возрожденья
Эпоху вырождения искусств.

РАФАЭЛЬ

Итальянский гений Рафаэль,
А точнее — Раффаэлло Санти,
Был в Урбино высажен в апрель
При небесном ангельском десанте.
В полутьме забывшихся времен,
Промелькнув подобьем сновиденья,
В тридцать семь ушел из жизни он,
Умерев в день своего рожденья.
Шесть веков, растаявший во мгле
И уйдя от нас бесповоротно,
Он на им покинутой Земле
Продолжает жить в своих полотнах.
От родных оторванный земель,
В той стране, где холода и пурги,
Итальянский гений Рафаэль
Обживался в хмуром Петербурге.
Где мадонне в зимней темноте,
За окном посвистывая тонко,
Помогала русская метель
По ночам укачивать ребенка.
Привезен сюда издалека,
Славой окружен благоговейной,
Стал он в Эрмитаже на века
Гордостью всемирною музейной.
Южный гений из других времен,
Рядом с ним шумел вечерний Невский.
Здесь к нему нередко на поклон
Пушкин приходил и Достоевский.
Там ему бы долгие года
Жить и жить, не ведая напасти,
Но лихая грянула беда
От родной советской нашей власти.

Доводам разумным вопреки,
В грабежах картин великих ловки,
Две из четырех большевики
Продали за море по дешевке.
Не укрыть изъяны на стене,
Там, где небо южное бездонно,
И скучает по своей родне
Юная библейская мадонна.

ТИЦИАН

Благословенная Венеция,
Волна, что плещет за окном,
К тебе не в силах приглядеться я, —
Ты в измерении ином.
Замолкни, нынешняя публика.
Пусть вспыхнет в яркой полосе
Венецианская республика
В ее неслыханной красе.
Там роскошь шелка оттоманского
И карнавальным перепляс,
Там под серебряными масками
Бездонные глубины глаз.
Искусству отдавая должное,
Вдохнем цветной ее туман.
Был величайшим из художников
Венецианский Тициан,
Сумел повсюду он прославиться.
Его картин не перечеть.
Венецианские красавицы
Считали близость с ним за честь.
К нему, воспетому поэтами,
Спеша со всех концов Земли,
Стремилась дружно за портретами
Прелаты, дожи, короли.
Явивший редкое усердие,
Свет отделяющий от тьмы,
Он, заслужив свое бессмертие,
Внезапно умер от чумы.
Кончины не представить звонче нам:
Собравшись к Богу, налегке,
Перед картиною законченной
Упасть, сжимая кисть в руке.
Припомню вновь, подобный бурсе, я
Послевоенный пятый класс.
На эрмитажные экскурсии
Учителя водили нас.
Испытывая чувство странное,
Голодный питерский пострел,

На пышных женщин Тициановых
Я с вожделием смотрел.
Не той ли памятью завещано,
Что сколько сердцу ни велю,
Мне нравятся большие женщины,
А худошавых не люблю?
Холодный день встает над крышею,
И я теперь уже старик.
Навряд ли, видимо, услышу я
Венецианских чаек крик.
Мне жизнь назавтра не обещана,
Но, краткий прерывая сон,
Мне по ночам все снятся женщины
Из Тициановых времен.

ЯКОБ ЙОРДАНС.

«Король пьет»

Музейные залы минуя,
Снабжен антивирусной маской,
На эту картину смотрю я
Создателя школы фламандской.
Готовя смертельные зелья,
Тираня усталые нервы,
Шумит за стеною музея
Сегодняшний век двадцать первый.
Какая грозит нам сегодня,
Которая даже не снилась,
Жестокая милость Господня —
Война или короновирус?
А здесь, отдыхая от буден,
И мастера кисти достойны,
Гуляют фламандские люди,
Король выпивает застольный.
Беспечны они, и пузаты,
И крепким напитком согреты.
А что приключится назавтра,
До этого дела им нету.
Мне нравятся эти наряды,
Людей беззаботные лица.
Четыре столетия кряду
Застолье веселое длится.
И если погода дурная,
И если на сердце тревога,
И зеркало напоминает,
Что жить остается немного,
И если мешает рутинная
Тоски одолеть паутину,
Смотрите на эту картину,
Смотрите на эту картину!

**НАПОЛЕОН БОНАПАРТ
НА АРКОЛЬСКОМ МОСТУ.
Картина Антуана-Жана Гро**

Игорю Петровскому

Коммунальную вспомню квартиру,
Если детство свое перечту,
И еще в Эрмитаже картину
«Бонапарт на Аркольском мосту».
Был, похоже, я храбрым не слишком
В пятиклассной далекой поре, —
Сдачи дать не умел я мальчишкам,
Обижавшим меня во дворе.
Не умевший как следует драться,
В Эрмитаж попадая опять,
Не с того ли подолгу я, братцы,
Мог у этой картины стоять?
Там гудела свинцовая вьюга,
Развевался над воином флаг,
И бока его стягивал туго
Генеральский двухцветный кушак.
Если в сердце тревожная смуга
И от страха я в липком поту,
Вспоминается мне почему-то
Бонапарт на Аркольском мосту.

ВОЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Памятью о прошлом душу грею.
Если одолеет вдруг невзгода,
Вспомню в Эрмитаже галерею
Восемьсот двенадцатого года.
Там при лентах, голубых и алых,
Славою заслуженной согреты,
На меня взирают генералы —
Яркие парадные портреты,
Что когда-то матушку Россию
Уберечь смогли от супостатов.
Здесь Давыдов с ментиком красивым,
Атаман непобедимый Платов.
Будет вспоминаться мне подолгу
Галерея праздничная эта.
Начата она британцем Доу
И позднее Пушкиным воспета.
Не было подобного дотоле.
Здесь скучают нынче не при войске
И Кутузов, и Барклай-де-Толли,
И Багратион, что пал геройски.
Постою немного в этих залах,
В пышном генеральском окруженьи,

Где пороховой витает запах
Дымом Бородинского сраженья.
Если вновь гудеть гиперборею,
За окном ненастная погода,
Приходите в эту галерею
Восемьсот двенадцатого года.
Если сердце одолела смута
И вплотную подступают беды,
Согревают душу почему-то
Эти стародавние победы.

РАСПРОДАЖА

Позабить не сможем никогда
Времена безрадостные эти.
Эрмитажа черные года:
Тридцать первый или тридцать третий.
Где, народ опутывая свой
Плотную чекистской паутиной,
Повелел Великий Рулевой
За рубеж распродавать картины.
Чтоб пока не грянула пора
Голода очередной угрозы,
Закупить на это трактора
В вянущие нищие колхозы.
В сером производственном дыму
В головах у всех должно быть пусто.
Пролетариату ни к чему
Это буржуазное искусство.
Твердая рабочая рука
Все продаст, что прихватить успели.
Все идет сегодня с молотка:
Рембрандты, Ван Дейки, Рафаэли.
Точно, как приказывал злодей,
В черном воронке-автомобиле,
Словно арестованных людей,
По ночам их тайно вывозили.
Повезли их в скорбный этот час
Продавать в Европу или Штаты,
Чтобы тем, что выкрано у нас,
Любовались после супостаты.
Записи архивных дневников
Сухо повествуют нам о том, как
Славная пора большевиков
Для своих оставила потомков
Не картины старых мастеров,
Души согревающих веками,
А скелеты ржавых тракторов
На полях, заросших сорняками.

БЛОКАДНЫЙ ЭРМИТАЖ

*М. Б. Пиотровскому,
Г. В. Вилинбахову*

Минувшее с годами ближе
На фоне нынешних рутин.
Я Эрмитаж блокадный вижу —
Пустые рамы без картин.
Уничтоженья злая участь
Не обошла бы Эрмитаж,
Когда б не бился за живучесть
Его голодный экипаж.
Профессора, интеллигенты,
Не потерявшие лица,
Которые ушли в легенду,
Но защищались до конца.
В бомбоубежище, в подвале,
Где в темноте ни встать, ни лечь,
Живые люди умирали,
Чтобы атлантов уберечь.
И в громе бомбовых ударов
Придумывали наперед
Проекты триумфальных арок,
Когда победный день придет.
И верили бесповоротно,
Как ни кромешна темнота,
Что возвратятся все полотна
На довоенные места.
Вдыхая невский влажный воздух,
Они, когда уйдет зима,
Вернутся вновь, как птицы в гнезда,
Как люди в прежние дома.
На выставках и вернисажах
Припоминайте иногда
Бойцов безвестных Эрмитажа,
Что в те жестокие года,
Вернув музею облик прежний,
Отчизны отстояли честь,
И значит, жить еще надежде,
Пока такие люди есть.